

В последнее время Иллуми вынужден был признать: жизнь определенно стала чертовски хлопотной. Просто на редкость паршивой.

Все началось с того дня, когда он, уступив настойчивым уговорам Хисоки, согласился на спарринг. Они отыскиали безлюдный пустырь на окраине и знатно сошлись в рукопашной.

Хисока остался доволен. Да и сам Иллуми, признаться, не жаловался.

Сорвав с фокусника солидный куш, старший сын Золдиков пребывал в превосходном расположении духа. Его бледное, лишенное мимики лицо по-прежнему напоминало посмертную маску, но на душе было на редкость легко. Наскоро перевязав собственные раны, он милостиво подлечил и оппонента — разумеется, за отдельную и весьма нескромную плату. Хисока явно жаждал продолжения банкета, но Иллуми лишь вежливо поклонился.

— Благодарю за сотрудничество. Буду рад новой встрече.

Иллуми развернулся и ушел, даже не взглянув на безумца, который зловеще и предвкушающе ухмыльнулся.

Прощаясь, Иллуми лукавил: его вежливое напутствие было не более чем дежурной фигурой речи. Он искренне надеялся, что их пути больше не пересекутся. Кто же знал, что «следующий раз» наступит так скоро?

А за ним еще один. И еще. И снова.

Дополнительный заработок — вещь, безусловно, приятная, и кошелек наемника исправно тяжелеет. Но плата за это оказалась непомерно высокой: общество Хисоки утомляло. Будь этот клоун хоть чуточку нормальнее, дела пошли бы куда веселее. Однако фокусник словно задался целью довести убийцу до белого каления. Он возникал на пути Иллуми повсюду, куда бы тот ни направлялся. Навязчивое, липкое внимание этого человека превратилось в настоящее проклятие.

Сам Хисока о терзаниях своего невольного спутника даже не догадывался. А если бы и догадался — просто отмахнулся бы.

Жизнь фокусника в последнее время, напротив, была ключом. Он чувствовал себя абсолютно, безгранично счастливым.

Еще бы, ведь он отыскал невероятно крупное, сочное красное яблоко.

Конечно, Хисока всей душой жаждал настоящего боя не на жизнь, а на смерть. Но «яблочко» упрямо отказывалось выкладываться на полную. И пусть каждая их стычка приносила море удовольствия, в глубине души фокусника копилась легкая обида на такую незаслуженную

сдержанность.

За время их вынужденного общения Хисока успел выяснить много интересного. Оказалось, странного уродца с иголками зовут вовсе не Гиттаракур, а его истинный облик скрывает маска. Под ней обнаружилось благородное, точеное лицо Иллуми Золдика. Услышав знаменитую фамилию легендарной династии убийц, фокусникотреагировал совсем не так, как обычные люди. В его глазах не появилось ни капли страха. Напротив, он преобразился: вместо привычного безумного хохота он хищно и магнетически улыбнулся. В этот миг от него исходила такая дикая, первобытная харизма, что он казался ослепительным.

Именно тогда Хисока благоразумно решил не форсировать события и не принуждать нового знакомого к смертельной схватке. При всей своей безграничной любви к битвам, он вовсе не горел желанием навлекать на себя гнев всего клана Золдигов (хотя в глубине души и считал себя сильнее Иллуми). Тяга к острым ощущениям не лишала его зачатков здравого смысла.

Хисока балансировал на грани дозволенного. Он мог нарушать правила, мог перешагивать через них, но никогда не терял из виду самую систему координат. Именно это умение вовремя остановиться позволяло ему оставаться в живых и творить любое безумие, какое взбредет в голову.

Пусть идея смертельного боя была временно отложена (да и, признаться, навязать ее Иллуми все равно бы не удалось), обычные спарринги никто не отменял. Фокусника ничуть не заботило, что наемник беззастенчиво обирает его до нитки за каждую тренировку. Деньги — пыль. Главное, что он получал взамен желанную дозу адреналина.

С этими мыслями Хисока раз за разом покорно шел навстречу очередному финансовому грабежу.

Так они и жили. Дни складывались в недели, уплывая полноводной рекой, пока один безжалостно обирал, а второй с блаженной улыбкой позволял себя обирать.

Один — воплощение хаоса и капризного эгоцентризма. Второй — живой кодекс строжайшей самодисциплины и жестких рамок.

Их характеры, взгляды на жизнь и внутренние ориентиры находились на диаметрально противоположных полюсах. То, что они вообще умудрялись сосуществовать без взаимной аннигиляции, казалось какой-то нелепой шуткой судьбы.

Хисока пошел на компромисс. Иллуми тоже уступил на полшага.

Встретившись посередине, эти двое нащупали хрупкое равновесие.

Именно поэтому их странный союз развивался столь гармонично.

Рано или поздно этот баланс должен был рухнуть. Как именно это произойдет и к каким последствиям приведет — покажет время. Пока же заглядывать в будущее не имело смысла.

Сейчас наемник, изрядно пополнивший свой счет за счет фокусника, направлялся к Небесной арене.

Честно говоря, Иллуми предпочел бы держать себя от этого места как можно дальше (несмотря на то, что здешние бои принесли ему немало выгоды). Слишком высок был риск вновь натолкнуться на назойливого клоуна. Однако долг звал: пришло время забирать младшего брата домой. Тщательно сверившись со своими информационными каналами — а в надежности разведки Золдиков сомневаться не приходилось, — Иллуми выбрал день, когда Хисоки гарантированно не должно было быть в городе, и наконец переступил порог исполинской башни.

В просторном холле первого этажа Иллуми ждал Киллуа.

Мальчик успел изныть от скуки, когда среди бурлящей толпы наконец мелькнул знакомый силуэт. В те годы Киллуа еще не испытывал перед старшим братом того леденящего ужаса, который завладеет им позже. Он радостно сорвался с места и подбежал к наемнику. Остановившись прямо перед ним, ребенок задрал голову и с улыбкой выпалил:

— Брат!

Глядя на сияющего младшего брата, Иллуми позволил себе редкий жест нежности — небрежно потрепал того по пушистым серебристым волосам.

— Неплохо, — ровно произнес он. — Но тебе еще есть над чем работать.

Иллуми лично отсмотрел все записи боев Киллуа на Арене. Его огорчало, что там, где достаточно было приложить лишь малую долю усилий, мальчик выкладывался на все сто процентов, расходуя энергию впустую.

Подобная расточительность не устраивала наставника. Однако, сделав скидку на юный возраст Киллуа и не желая пускаться в долгие поучения, он решил ограничиться коротким замечанием.

— Я понял, — понурился мальчик.

Киллуа шел навстречу брату в полной уверенности, что тот придет в восторг от его успехов. Сухое «неплохо» уязвило детскую гордость.

Заметив, как поубавилось пыла у братишки, Иллуми вновь ласково провел ладонью по его макушке.

— Идем. Нам пора домой.

Он взял теплую детскую ладошку в свою и уверенно зашагал к выходу.

— Ага! — весело отозвался Киллуа, стараясь шагать в ногу с братом.

Покинув пределы арены, Иллуми не стал спешить на поезд. Вместо этого он отвел приунывшего ребенка в уютную кондитерскую на углу.

Пока Киллуа с упоением уплетал шоколадные шарики, старший брат расспрашивал его о жизни вдали от дома. Мальчик увлеченно болтал обо всем подряд, пока разговор не зашел об одном известном бойце. Киллуа упомянул, что на верхних этажах только и говорят о загадочном фокуснике по имени Хисока, и признался, что очень хотел бы лично проверить, так ли тот силен на самом деле.

Иллуми на мгновение замер.

— Держись от этого человека как можно дальше, — веско произнес он.

Киллуа приоткрыл рот, собираясь возразить, но Иллуми мягко опустил ладонь ему на голову. Спорить с этим жестом было бесполезно, и мальчик послушно замолчал.

Когда тарелки опустели, Иллуми расплатился по счету, и они отправились в обратный путь.

Дорога до горы Кукуру выдалась долгой и утомительной. Вернувшись в поместье, Иллуми отвел брата в покои отца. Почтительно поклонившись Сильве, старший сын оставил их наедине и вышел.

В одном из переходов замка ему преградила путь Кикио. Мать так бурно выражала свой восторг от возвращения любимцев, что ее электронный визор безумно мерцал. Иллуми, однако, остался верен своей бесстрастной манере.

— Я занят, — сухо обронил он на бегу.

Не задерживаясь ни на секунду, он проследовал мимо, оставив позади заламывающую руки женщину. Вслед ему полетели полные трагизма причитания о том, что сыновья выросли, оперились и совсем не ценят безграничную материнскую любовь.

К подобным концертам у Иллуми давно выработался стойкий иммунитет. Не тратя времени на

пустые разговоры, он покинул пределы семейного гнезда и взял курс на Город Метеора, где его ждал новый заказ.

Поездка в Город Метеора преследовала вполне конкретную цель. Иллуми хотел повидаться с Аллукой. Забирать мальчика домой он не планировал — отец не давал на то своего согласия.

Свидание с братом стояло на первом месте, работа же была лишь удобным прикрытием.

Где-то глубоко в душе Иллуми не одобрял то, насколько по-разному Сильва относился к Киллуа и Аллуке. Однако перечить воле главы клана он бы не посмел. Отец наверняка руководствовался какими-то вескими соображениями, неизвестными остальным. Свои сомнения Иллуми держал при себе. Он по-прежнему одинаково любил обоих младших братьев и воспитывал их со всей строгостью, подобающей наследникам Золдигов.

По площади Город Метеора едва ли уступал Республике Лаби. На этой гигантской свалке, возникшей еще полторы тысячи лет назад, ютилось около восьми миллионов человек. Официально этой территории не существовало на картах. Сюда свозили мусор со всего мира, и здесь же бесследно исчезали брошенные младенцы — без имен, документов и гражданских номеров. О том, как выживали местные обитатели, во что верили и чему учились, внешний мир мог лишь гадать. В столь суровых условиях ковались характеры выдающихся бойцов. Ходили слухи, будто горожане промышляют сортировкой и переработкой отходов, а мафиозные синдикаты снабжают их оружием в обмен на верность и живую силу.

Для кого-то Город Метеора был средоточием беспросветного отчаяния, для кого-то — колыбелью призрачных надежд. Этот проклятый Богом край веками растил людей особого склада.

Говорили, что на дне здешнего ящика Пандоры таится либо абсолютная тьма, либо спасительный свет. Что именно скрывалось там на самом деле, знали лишь те, кто называл эти горы хлама своим домом.

Впрочем, Иллуми чужие тайны не занимали. Он не принадлежал этому месту. Он был наемным убийцей, а философские диспуты о смысле бытия никогда не входили в сферу его профессиональных интересов.

Проложив путь сквозь лабиринты смердящих отбросов и играючи отразив несколько случайных нападений, Иллуми добрался до тайного представительства семьи Золдигов.

Едва он переступил порог просторного зала, навстречу ему поднялся Аллука.

Жизнь среди отбросов общества не сломила мальчика. Напротив, она закалила его нрав, сделав его еще более колючим и строптивым. Однако в присутствии старшего брата от былой дерзости не оставалось и следа.

Несмотря на маску абсолютного безразличия, искажившую черты Иллуми, пронизательный ребенок сумел разглядеть в глубине его застывших глаз теплоту и заботу.

Аллука счастливо улыбнулся.

— Брат!

— Рад тебя видеть, — Иллуми кивнул, отмечая про себя, что паренек выглядит на диво бодрым.

Аллука робко потянул брата за край куртки и заглянул ему в лицо:

— Брат, ты приехал, чтобы забрать меня домой?

— Нет, — бесстрастно отрезал Иллуми.

Увидев, как мгновенно потускнел взгляд мальчика, он протянул руку и несильно ущипнул его за щеку.

— У меня здесь контракт. Я задержусь в Городе Метеора недели на две, так что буду присматривать за тобой.

На самом деле Иллуми специально набрал целую кучу местных заказов, чтобы выбить себе законный повод для этой поездки. Своеобразный характер не позволял ему выражать привязанность открыто. Ему было проще выдать искреннюю заботу за череду случайных совпадений. Столь тонкую душевную организацию уловил бы далеко не каждый, но Аллука понимал старшего брата без слов.

За долгие месяцы изнурительных тренировок мальчик научился считывать тончайшие изменения в настроении своего наставника. От этого навыка напрямую зависело, насколько болезненным окажется очередной урок. И сейчас намерения Иллуми казались ему прозрачными как стекло.

Киллуа вернулся в семейное гнездо, в то время как Аллука оставался в изгнании. Иллуми всерьез опасался, что в сердце ребенка может затаиться обида на несправедливость отца. Желание лично оценить успехи младшего брата и поддержать его в трудную минуту и привело старшего сына Золдигов в это Богом забытое место.

Посмотрев в вечно застывшие, темные глаза брата, Аллука вновь просиял:

— Значит, ты остановишься здесь?

— Да, — Иллуми едва заметно кивнул и, прежде чем ребенок успел озвучить свою радость, равнодушно добавил: — В свободное от работы время я займусь твоей подготовкой.

Аллука застыл на полуслове, так и не успев закрыть рот. Он страдальчески поморщился.

Иллуми молча созерцал эту картину. На долю секунды он изменился в лице, а в его взгляде промелькнуло искреннее веселье.

Спустя минуту Аллука наконец справился с потрясением.

Поймав этот мимолетный, почти неуловимый проблеск лукавства в глазах брата, мальчик окончательно сдуплся.

«Брат, шел бы ты лучше домой...»

«Моя жизнь в Городе Метеора и без того полна ярких красок»

«Поверь, твоя забота окончательно меня добьет»

Аллука мысленно разрыдался.

Разумеется, озвучивать эти крамольные мысли вслух он не посмел — иначе тренировки стали бы вдвое жестче.

<http://bllate.org/book/20668/2123126>